

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ВОЗРАСТА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

*Кафедра межкультурной коммуникации.
Научный руководитель - Г. М. Васильева*

В области методики преподавания иностранных языков появился целый ряд работ, авторы которых уделяют особое внимание интеграции культуры в систему языкового образования. Эта тенденция была продиктована чрезвычайно активизировавшимися в последнее время культурными, научными и экономическими международными контактами. Актуальность проблематики «язык и культура» обусловила востребованность различных направлений исследований, интерпретирующих феномен национальной культуры, к которым относится и достаточно новая дисциплина – лингвокультурология.

По мнению исследователей, лингвокультурология является тем направлением лингводидактического описания соотношения языка и культуры, где особую значимость приобретает феномен культуры. Данная дисциплина направлена на анализ отражения культуры в языке, что обеспечивает возможность анализировать объект культуры, представленный в языке, как

единство языкового и внеязыкового содержания. При таком подходе делается акцент на следующих функциях культуры: моделировании картины мира; накоплении и хранении информации (кумулятивная); регламентации поведения людей в обществе (регулятивная); обеспечения гармонии этноса с окружающим миром (адаптивная)¹.

Основной единицей описания в лингвокультурологических исследованиях является концепт, который в отличие от слова аккумулирует, прежде всего, «внеязыковую, культурную среду» (ситуацию, реалью, устойчивую сеть ассоциаций), поэтому слово-сигнал, называющее концепт, неизбежно активизирует в сознании человека, знающего язык, «не только значение (как намёк), но и всю совокупность «культурного ореола». Незнание же «культурного ореола» слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания текста как отражения культурного феномена»².

Использование термина «концепт» в аспекте лингвокультурологических исследований, обращенных прежде всего к аксиологическим основам культуры, обуславливает специфику структуры лингвокультурного концепта, где центром является ценность как основной маркер культуры.

На наш взгляд, принципиальным для интерпретации сущности лингвокультурного концепта является мнение академика Ю. С. Степанова, который подчеркивает, что концепт неразрывно связан с миром культуры: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»³.

Особо значимые явления культуры обуславливают содержание не только отдельных концептов, но и концептуальных объединений. Такое объединение концептов не образует концептосферы как некое целостного и структурированного семантического пространства лингвокультуры, но составляет ее часть — концептуальную область, в структуре которой можно выделить самостоятельные концепты. Примером такого образования может служить *концептуальная область возраста*, в которой в самом общем виде можно выделить отдельные концепты: «детство», «молодость», «зрелость», «старость» и т. д.

В связи со сложностью и многоплановостью самого явления лингвокультурного концепта, а также с невозможностью его абсолютно полного описания перед современными исследователями встает вопрос о способе его исследования. Многие лингвисты сходятся во мнении, что изучение языковой репрезентации концепта является не единственным, но самым эффективным способом его реконструкции. Для непротиворечивого описания содержания концепта оправданным представляется выделение двух его составляющих: понятийной, отра-

жающей его признаковую и дефиниционную структуру, и образной, фиксирующей метафоры и переосмысления, куда войдут также его ассоциативные и ценностно-оценочные характеристики.

В нашем исследовании при описании концептуальной области возраста был использован обозначенный выше подход. Общеизвестно, что в любой национальной культуре существует понятие возраста и, следовательно, в любом национальном сознании сформирована соответствующая концептуальная область возраста, отражающая специфику этого феномена.

Исходя из постулатов «принципа культурной разработанности», предложенного в работах А. Вежбицкой⁴, число языковых репрезентантов исследуемой концептуальной области в русском языке (детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость) позволяет сделать вывод о том, что в русской лингвокультуре концепт «возраст» мыслится несколько иначе, чем, например, в американской лингвокультуре, обусловившей иной набор языковых репрезентантов (babyhood (младенчество), childhood (детство), adolescence (отрочество), youth (молодость), middle age (средний возраст), old age (старость)).

Сопоставление культур позволяет говорить о существовании предпосылок для возникновения различного отношения к отдельным возрастным периодам. Приведем некоторые примеры. Как известно, в области межличностных отношений важен социальный статус участников коммуникации, который определяется, в большей степени, возрастом и полом. По свидетельству культурологов, американское общество ориентированно на приоритет молодости. Ввиду этого люди в США всячески пытаются «отодвинуть» пожилой возраст. Это отчасти обусловлено спецификой процесса социализации в различных обществах: американцы дольше учатся, позднее женятся и заводят детей, стремясь достичь значительного социального статуса до их появления.

Индивидуалистическая направленность американской культуры, а также ее «низко-контекстуальный» характер обуславливает невысокую степень устойчивости и, соответственно, невысокий ценностный статус определенных межличностных отношений, в том числе - «межпоколенных». Поколения американцев, воспитанные по книгам доктора Б. Спока, отличаются большей свободой самовыражения в отличие от их российских сверстников. С раннего возраста стержнем самоидентификации американцев становится отношение к себе как к уникальной личности, результатом которого может стать определенная «зацикленность» на собственном «я» и недостаточное уважение к старшим в юном возрасте и, как следствие этого - ощущение бесполезности и «ненужности» в пожилом возрасте. Таким образом, специфика очень важных социальных отношений, а именно отношений между «отцами и детьми» в российском и американском обществе, свидетельствует об определенных различиях в ценностно-оценочном отношении к тому или иному возрасту.

Однако, по мнению исследователей американской культуры, несмотря на то что в США разрыв связи между поколениями оказывается более существенным, чем в России, «возрастная маркированность коммуникативных паттернов менее ощутима из-за стремления к демократичности и более короткой коммуникативной дистанции»⁵.

Так, одним из ярчайших примеров стирания «межпоколенных» границ в американской культуре может служить так называемая американская языковая полит-

корректность, основной задачей которой стала эвфемизация прямых наименований лиц пожилого возраста завуалированными номинациями, например: senior citizen (старший гражданин), advanced in years (продвинутый в годах), golden age (золотой возраст) и др.

Наряду с социокультурным аспектом сопоставления, особую важность в исследовании концептуальной области возраста приобретает раскрытие культурного компонента лексического значения номинаций возраста, во-первых, отражающих культуророспецифические понятия и, во-вторых, совпадающих на уровне своих лексических значений, но отличающихся значениями культурными.

Среди языковых явлений, отражающих «культуророспецифичные» понятия в концептуальной области возраста русской и американской лингвокультур, можно назвать следующие: отсутствие адекватного гиперо-гипонимического эквивалента лексемам «молодость - юность» в английском языке, что обусловлено асимметричностью членения жизненных циклов в сопоставляемых лингвокультурах; отсутствие в американском варианте английского языка полных эквивалентов русским собирательным существительным, обозначающим группы лиц различного возраста, например: *детвора, ребятня, малышня, бабье, старичье* и многие другие.

В отличие от американского варианта английского языка в русском языке концептуальная область возраста представлена большим количеством однокоренных эмоционально-оценочных и разговорно-просторечных наименований.

Американский вариант английского языка	Русский язык
child (ребенок, дитя), children (дети)	дети (дитя), детвора (разг.), детенок, китенок, детеночек (прост.), (ласк.), детище (устар. и высок), детишки (прост.), (уменьш. и ласк.), детка (разг.), (уменьш. и тек.), детки (уменьш. и ласк.), деточка (уменьш. и ласк.), детушкч, (прост. и народно-поэтич.), дитё (прост.), дитятко (прост.).

Многочисленны также и словообразовательные гнезда, образующие обширную парадигму однокоренных лексем, относящихся к различным частям речи. Особенностью этой группы лексики является то, что она, как правило, является «транслятором» как прямых, так и переносных значений «вершины» словообразовательного гнезда. Ср., например, словообразовательные парадигмы с различными «вершинами»: «старый» - *старик, старец, старина* (разг. фам. в обрац. к старому человеку), *престарелый, стариковский, стареть, постареть, стариться, состариться, постарчески* и т. д.; «мальчик» - *мальчишка, мальчишество, мальчишеский, по-мальчишески* и др.

Рассмотрим устойчивость вторичных значений на примере словообразовательного ряда с вершиной «мальчик» в русском языке. Наименование ребенка мужского пола в русском языковом сознании ассоциируется, прежде всего, с такими качествами, как «неопытность», «несолидность», «несерьезность», «легкомыслие», которые фиксируются в соответствующих компонентах значения лексических единиц данного ряда, например: *«мальчишество», «мальчишеский»* и др. Об устойчивости данных сем свидетельствуют и характерные образные переосмысления и сравнения, например: *«мальчишеский поступок», «мальчик на побегушках», «отчитать как мальчишку», «обращаться как с мальчишкой», «вести себя как мальчишка»* и мн. др.

Представляется важным отметить устойчивость вторичных значений в так называемых «семантических дериватах» и образных переосмыслениях. Ср., например: жаргонное наименование «*дед*» (в армии: старослужащий по отношению к молодым солдатам) и его производное «*дедовщина*», зафиксированные «Толковым словарем русского языка конца XX века» под редакцией Г. Н. Складневской⁶. Представляется, что данные номинации могут быть мотивированы актуальностью и устойчивостью переноса семы «более высокого статуса,

обусловленного опытом и возрастом»», которая транслирована во многие единицы русского языка, например, «старейшина», «старшина» и др.

В связи со сказанным выше чрезвычайно существенным представляется различие семантических объемов ядерных лексем в русском и английском языках, которое обнаруживается, прежде всего, при сопоставлении переносных значений. Так, в русском языке существительные, прилагательные, глаголы с семой «детский возраст» регулярно развивают метафорические значения, включающие семы «несерьезный», «наивный», «простодушный», «незрелый», «несамостоятельный», а также «легкомысленный», «шаловливый».

В американском варианте английского языка не было отмечено актуальности сем «легкомысленность», «несамостоятельность» и «шаловливость» во вторичных номинациях, что обусловило лакунарность таких номинаций, как «ребячество», «школярство» и других, представленных в русском языке.

Перечисленные выше и многие другие отличия, выявленные в ходе сопоставительного исследования концептуальных областей возраста в русском и английском языках, несомненно, обусловлены особенностями соответствующих национальных культур.

Для удобства презентации языкового материала, представляющего феномен возраста, в аспекте РКИ может быть использована «учебная модель лексико-семантического поля», то есть методически целесообразное количество лексических единиц, определенное на основе парадигматических и синтагматических связей в соответствии с семантико-полевым принципом организации лексики. Элементы «учебной модели лексико-семантического поля» в лингвокультурологических описаниях должны быть представлены как «культурные маркеры» различных аспектов лексического содержания: денотативного, коннотативного, словообразовательного, «сочетаемост-

ного», контекстуального и образного. Такая модель, по нашему мнению, будет способствовать формированию в сознании учащихся системного представления о связях между лексическими единицами, а следовательно, и представленными ими кон-

цептуальными структурами. Следовательно, подобная модель может служить основой для создания комплекса упражнений, направленных на формирование навыков и умений адекватного восприятия культурного смысла в изучаемом языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кошарная С. А. В зеркале лексикона: введение в лингвокультурологию. Белгород, 1999

² Воробьёв В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.

³ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

⁴ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. М.: Русские словари, 1997. 411 с.

⁵ Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. 351 с.

⁶ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. СПб.: Фолио-Прес, 1998. 700 с.